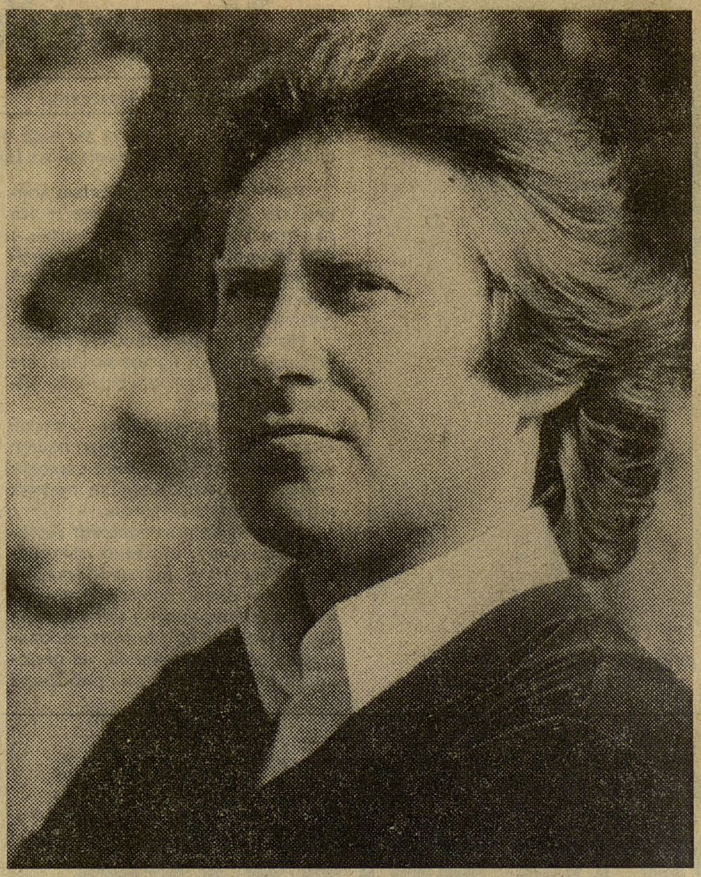
Чернов Владимир 27.4.95.

Известия - 1995 - 27 апр. - с. 7

Владимир ЧЕРНОВ:

Для меня главное – петь, а где – не важно



Галина ВАСИЛЬЕВА, журналист

Владимир Чернов, которого западные критики называют лучшим баритоном мира, должен был открыть концертом в Москве «Певческие биеннале» – двухгодичный «звездный» марафон воспитанников отечественной вокальной школы. К сожалению, помешала болезнь. Долгожданный концерт состоится 22 мая в Большом зале консерватории.

Певец сегодня знает, что будет делать в 2001 году в Вене, но не знает, может ли сгодиться в родной Мариинке в следующем сезоне.

Со времен Федора Шаляпина не было ни одного русского певца, на которого бы прославленный «Метрополитен-опера» делал постановки. Владимир Чернов сегодня является главным исполнителем вердиевских классических партий в этом театре.

Кроме «Симона Бокканегры» (премьеры сезона), он спел «Луизу Миллер», «Дона Карлоса», «Травиату», «Трубадура». В его репертуаре «Бал-маскарад», «Сила судьбы», «Двое Фоскари», «Фальстаф».

С артистическим директором «Мет» и прославленным дирижером Джимми Ливайном Владимир Чернов записал «Луизу Миллер», «Дона Карлоса», «Трубадура» и «Риголетто», после чего Ливайн заявил в прессе, что ни единого диска Верди он не запишет без Чернова.

В 2001 году (100-летие кончины Верди) мистер Холлендер, артистический директор Штаатсопер в Вене, предлагает Чернову спеть все оперы Верди (их 271) в течение сезона.

Это успех, блестящая актерская карьера. Предчувствовал ли деревенский мальчишка из Краснодарского края свою судьбу?

– Скорее, это было не столько предчувствие, сколько мечта. Сейчас могу считать себя счастливым человеком не потому, что пою в «Метрополитен-опера» или «Ла Скала», а потому, что я делаю свое дело, я проживаю свою судьбу.

По окончании Московской консерватории у Владимира Чернова, кроме партии Фигаро и партии графа из «Тайного брака» Чимарозы, ничего не было. Преподаватели не видели его оперным певцом. «Я не спорил, – говорит Владимир, – ничего такого серьезного я и не выдавал».

В «Мариинке», куда его распределили в 1981 году, он пел 2–3 раза в месяц, только через 8 лет работы он получил арию Жермона в «Травиате».

Упорный Чернов не хотел сдаваться. Однако, как бы виртуозно ни владел певец техникой вокала, каким бы ни был красивым тембр его голоса, отсутствие серьезного опыта работы на оперной сцене не оставляло шанса появиться когда-нибудь в «Ла Скала». Возможно, мир так бы и не узнал Чернова, если бы не случай...

В один, теперь можно сказать, прекрасный день, когда Чернов выходил из здания Госконцерта в Москве, его окликнули и спросили, не хочет ли он встретиться с импресарио из Бостона Сарой Колдуэл, которая набирала в России певцов для «Богемы». А та спросила, сможет ли он спеть партию Марселя на итальянском языке. Чернов ответил, что сможет спеть партию Марселя «по-итальянски» даже на русском языке. Они быстро взяли такси и приехали в консерваторию, где Чернов спел три песни Свиридова. Колдуэл сразу приняла решение: «Господин Чернов, мы встречаемся с вами в Бостоне». Премьера состоялась в 1989 году. Чернов имел успех, который до сих пор его удивляет: «Я не ожидал такого успеха, тем более в партии, которая не имеет яркого лица на сцене, она без арии, без дуэта. Я тогда понял, что во мне что-то есть, если совсем незнакомый критик написал, что я Барышников среди баритонов».

Увы, российский слушатель и зритель почти не знает Владимира Чернова, а фотографии, к сожалению, не передают его внутреннего облика. В обычной жизни он скромный, очень искренний и открытый человек, с мягким, спокойным голосом, любит своих домашних: тещу Марию Семеновну, жену Ольгу, которая сейчас является его репетитором, и сына – Владимира-младшего. «Не мыслю себя в жизни без них, – говорит певец, – я никогда бы не состоялся, если бы шел по этому пути один».

Сейчас семья Черновых обосновалась в Нью-Йорке на Вест-Сайде.

– Мы вынуждены были где-то бросить якорь. Ребенку нужна была школа и нормальные условия, мне не хотелось, чтобы они здесь оставались без меня и мучились с визами. Отношение к нам, русским людям, в американских консульствах и посольствах ужасное. К тому же в Нью-Йорке находятся мой импресарио и фирма «Коламбиа Артистс Менеджмент», с которой у меня контракт.

Но в Нью-Йорке в общей сложности я бываю три-четыре месяца в году. Все остальное – поездки, перелеты, чемоданы, гостиницы.

– Вы не боитесь, что, состоявшись в мире, вы не состоитесь в России?

– Почему я должен этого бояться? Я вообще об этом никогда не думаю. Для меня самое главное – петь, а где – неважно. Я никогда не мечтал петь на Западе, я мечтал об условиях, а они – там, здесь их просто нет.

Репертуар Мариинского театра исключает возможность условий работы для певца, который может состояться в операх Верди. Для лирического баритона здесь только «Евгений Онегин» и «Травиата».

Мне нужно было ждать несколько лет, чтобы спеть Онегина.

В мои первые шесть месяцев на Западе я участвовал в четырех новых постановках, должен был их выучить назубок, проработать полтора месяца в репетициях по нескольку часов в день. Вот это я называю нормальными условиями для работы.

– Почему мы вас так редко видим в России?

– В конце июня прошлого года мы с Важей Чачавой после пятилетнего перерыва дали концерт в Большом зале Петербургской филармонии.

Гораздо сложнее строить отношения с Мариинским театром. Очень часто там не знают, что будет в следующем месяце, я не говорю о следующем сезоне. Я же связан контрактами. Когда мы научимся планировать нормально, как это происходит в западных театрах, буду приезжать сюда работать. Я бы спел не один концерт и в Москве, и в Петербурге. Я скучаю по моему театру. Но одного моего желания мало.

Мне неприятно слышать, когда люди говорят: «Он не хочет сюда приезжать». Я не только хочу, я мечтаю об этом. Мне этого не хватает как воздуха. Страдаю, когда приезжаю в США, мне гораздо легче в Германии. Я вижу восходящее солнце и ощущаю мою землю ближе.

Фото Николая ГОРБУНОВА.